

Бабушкина Виктория Владимировна

ДВУАЗЫЧИЕ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Статья раскрывает наиболее острый вопрос теории языковых контактов: сложности определения понятия "двуязычие". Представлены несколько общепринятых определений билингвизма (и критерий определения билингвизма), изложенных в работах ведущих российских и зарубежных ученых. Проводится сравнительный анализ данных определений и краткий обзор ключевых понятий. Обозначается наиболее удачное определение билингвизма, и намечаются перспективы исследования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 64-66. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.02.00 ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-119

Статья раскрывает наиболее острый вопрос теории языковых контактов: сложности определения понятия «двуязычие». Представлены несколько общепринятых определений билингвизма (и критерий определения билингвизма), изложенных в работах ведущих российских и зарубежных ученых. Проводится сравнительный анализ данных определений и краткий обзор ключевых понятий. Обозначается наиболее удачное определение билингвизма, и намечаются перспективы исследования.

Ключевые слова и фразы: двуязычие; первый язык; второй язык; родной язык; иностранный язык; первичная языковая система; вторичная языковая система.

Бабушкина Виктория Владимировна

*Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова
victorienna@gmail.com*

ДВУЯЗЫЧИЕ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Известно, что ученые разных времен и течений по-разному относились к сущности билингвизма. Не сходились они также и во мнении относительно определения данного понятия. Ввиду этого, в лингвистике до сих пор нет однозначного толкования термина «билингвизм». Трактовки зависят, в основном, от самих ученых и от их видения данного феномена.

Главная проблема при определении понятия «билингвизм» состоит в том, что сложно установить, на каком этапе «начинается» билингвизм. Нужно ли владеть иностранным языком в совершенстве, чтобы называть себя билингвом? Или достаточно уметь понимать и объясняться на минимальном уровне? В какой степени должен владеть обоими языками индивид, чтобы его можно было назвать билингвом? Должен ли он оперировать рецептивными механизмами или продуктивными механизмами? Или он должен уметь оперировать и теми, и другими? Более того, какие компоненты или «области» языка учитываются при определении билингвизма: лексика, грамматика, произношение?

Именно этим изобилием нерешенных вопросов и объясняется отсутствие в лингвистике однозначного толкования билингвизма. Однако определения ученых можно условно соотнести с конкретными «полярностями».

Некоторые ученые считают, что билингвом может считаться только тот индивид, который в совершенстве владеет как первым, так и вторым языком, т.е. который объясняется одинаково хорошо на обоих языках.

Такой точки зрения придерживается, в частности, выдающийся американский лингвист Л. Блумфилд. Он понимает билингвизм следующим образом: «В тех случаях, когда совершенное усвоение иностранного языка не сопровождается утратой родного языка, возникает *билингвизм (двуязычие)*, заключающийся в одинаковом владении двумя языками» [2, с. 70]. На первый взгляд определение действительно обращает внимание на наиболее важные аспекты билингвизма. Билингвизм «начинается» тогда, когда индивид в одинаковой степени владеет и первым, и вторым языком. Такой же точки зрения придерживается и В. А. Аврорин: «...двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого» [1, с. 51].

Однако эту точку зрения можно подвергнуть критике. Многие ученые утверждают, что владеть языком в совершенстве в принципе невозможно. Отсюда и вытекает главная проблема – что значит понятие «в совершенстве»? Как оно оценивается и какими конкретно критериями обладает?

В. А. Аврорин, по всей видимости, «обнулил» данную проблему, не используя в своем определении сочетание «в совершенстве». Однако это не означает, что определение ученого является идеальным. Что делать, например, если и первый язык индивид знает не в достаточно высокой степени? Как быть, если исследователь изучает речь детей-билингвов, у которых речевой механизм еще не сформирован в полной мере?

Более того, имеются проблемы в самой терминологии. Как быть, если первый язык ребенка вовсе не является родным его языком, например, в ситуации иммиграции, когда первый язык сменяется вторым языком в качестве родного? Относительно какого языка предлагать определение билингвизма? В отношении какого языка следует рассматривать данное явление?

Как видно, данная «полярность» предлагает больше вопросов, нежели ответов. Тем не менее, большинство исследователей, занимающихся вопросами билингвизма, все-таки признают определение В. А. Аврорина.

Другие же ученые считают, что владеть каким-либо языком (в том числе и первым) в совершенстве невозможно, и поэтому утверждают, что для того, чтобы назвать себя билингвом, достаточно уметь оперировать языком на минимальном уровне, т.е. иметь хотя бы незначительное знакомство с языком. Данной точки зрения придерживается Дж. Макнамара. Ученый утверждает, что индивида можно назвать билингвом, если

он на втором языке обладает (хотя бы в какой-то степени) навыками одной из четырех модальностей: говорение, аудирование (слушание), письмо или чтение [8].

Подобную точку зрения можно увидеть в работе Р. К. Миньяр-Белоручева. Он утверждает, что билингвизм сводится, всего лишь, к знанию двух языков [6]. Данная точка зрения крайне размытая и неточная, т.к. знать язык вовсе не означает уметь им пользоваться в целях достижения коммуникации. Можно знать какие-либо конкретные единицы языка, но не уметь ими оперировать и не «видеть» их в системе языка в целом.

Как утверждает А. А. Залевская, необходимо различать знание языка и владение языком, т.к. знать можно грамматику, лексику, но не уметь ей пользоваться, а владеть, с другой стороны, означает иметь более низкие показатели знаний в области грамматики или лексики, например, но успешно осуществлять речевую деятельность [5, с. 6]. Таким образом, владение языком не есть знание языка, а умение использовать и вводить это знание при решении определенных коммуникативных задач.

Иными словами, у этой «полярности» также имеются определенные серьезные недочеты. Можно ли говорить о билингвизме вообще, когда индивид не умеет ни объясняться, ни запрашивать информацию на втором языке? Разве можно назвать билингвом индивида, который не в состоянии осуществлять коммуникацию без использования словаря, или индивида, который не может выполнять рецептивные задачи без перевода на свой родной первый язык? Если «да», то билингвом можно назвать любого человека, изучающего иностранный язык, даже самостоятельно. Складывается следующая ситуация: индивид изучает язык самостоятельно, аутентичное использование языка он не видит и не слышит и поэтому не умеет ни правильно произносить слова, ни правильно их переводить. Согласно вышеуказанному определению, такого человека тоже можно назвать билингвом, т.к. все же он знает какие-либо отдельные слова и фразы на иностранном языке.

Как видно, ни одна из указанных двух полярностей не предлагает идеальное решение данной проблемы, которая заключается в том, что представители как первой, так и второй «полярности» пытаются дать определение билингвизму на основе индивидуального характера умения, т.е. на основе психологического критерия. Но, как видно, этот критерий не позволяет предложить достойное определение. В первом случае ученые не могут прийти к единогласию относительно измерения так называемого «совершенного» уровня знания языка (если вообще можно дать определение данному понятию), а во втором случае билингвизм приобретает слишком широкое значение и потому не может стать объектом научных исследований.

На эту проблему обратили внимание ученые Рене Аппел и Питр Муйскен. Они утверждают, что добиться четкого определения билингвизма на основе психологического критерия практически невозможно [7], и поэтому предпочитают определение У. Вайнрайха, основанное на социологическом критерии: «Практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием, а лиц, ее осуществляющих, двуязычными» [3, с. 22]. Как видно из определения, У. Вайнрайх не сделал никаких ссылок на степень владения языком, но все же ограничил спектр существования билингвизма, указав на «попеременное» использование языков, а это могут осуществлять только индивиды, хорошо владеющие двумя языками. Единственный недостаток данного определения кроется также в терминологии: что означает «попеременное»? Означает ли это словное использование двух языков в рамках одного высказывания или сообщения? Или же оно означает ситуативное использование языков, где один язык соответствует одной коммуникативной задаче?

В связи с этим социологический критерий кажется нам вполне подходящим при определении понятия «билингвизм», но определение У. Вайнрайха также далеко от совершенства ввиду неточностей в терминологии. По этой причине полноценное определение билингвизма требует уточнения некоторых терминов и понятий.

При определении билингвизма и при любых дискуссиях, проводимых в рамках его исследования, часто используются термины «первый язык», «второй язык», «родной язык», «иностранное языки». Общепринята точка зрения, что «между этими двумя понятиями нет прямого соответствия, при котором было бы обязательно равенство Я1=РЯ, Я2=ИЯ» [5, с. 4], т.к. бывают случаи, как уже упоминалось, когда второй язык хронологически вытесняет первый и становится родным (это, как правило, происходит в ситуации иммиграции, обычно у детей).

Однако иногда ученые, говоря о языке первом и втором, подразумевают естественный билингвизм, при котором процесс становления первого речевого механизма происходит раньше второго.

Когда ученые говорят о родном и иностранном языках, то подразумевается искусственный билингвизм, при котором родной язык используется индивидом почти во всех ситуациях общения, а иностранное языки – в одной или нескольких ситуациях.

Именно поэтому необходимо уточнять эти понятия прежде, чем предлагать собственное определение. Так, например, Е. М. Верещагин в рамках психологического и социологического направлений в исследовании явления билингвизма вводит в научный оборот понятия «первичная языковая система» и «вторичная языковая система».

На основе данных понятий ученый утверждает следующее: если индивид во всех ситуациях общения использует только свою первичную языковую систему, то его можно назвать монолингвом (т.е. одноязычным). Если же индивид в разных ситуациях общения использует и первичную, и вторичную языковые системы, то его можно назвать билингвом (т.е. двуязычным): «...носитель двух систем общения (т.е. человек, способный употреблять для общения две языковые системы) называется билингвом» [4, с. 19].

Критерии определения, само определение, а также собственная терминосистема ученого кажутся нам вполне удачными. Е. М. Верещагин отказывается от понятия «совершенство», четко обозначает границы существования билингвизма, не позволяя себе предложить определение, предполагающее слишком широкую его трактовку. Импонирует также собственная терминосистема ученого. Более того, определение удачно

потому, что является неким синтезом психологического и социологического критериев. Благодаря этому синтезу определение «впитывает» только положительные аспекты каждого критерия.

Подводя итог, хотелось бы отметить следующие наиболее важные результаты: во-первых, на разных этапах развития лингвистической науки билингвизм изучался с разных точек зрения, отсюда наблюдается такое изобилие разнообразных его толкований; во-вторых, все вышеперечисленные критерии определения билингвизма, наряду с самими определениями, имеют свои несомненные достоинства и недостатки, и лингвисты должны обращать на них пристальное внимание, подвергать критике и совершенствовать их в целях достижения более глубокого понимания явления двуязычия; в-третьих, из всех указанных толкований мы отдаем предпочтение определению Е. М. Верещагина, предложившего собственную терминосистему и собственное толкование двуязычия на основе синтеза психологического и социологического критериев. На наш взгляд, только такой синтезированный подход может создать благоприятную почву для изучения данного явления.

Как видно, двуязычие – сложный, многоаспектный феномен современной лингвистики, который, несмотря на огромное количество проводимых исследований, все еще содержит немало нерешенных вопросов.

Список литературы

1. Аврорин В. А. Двуязычие и школа // Проблемы изучения двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 49-62.
2. Блумфилд Л. Язык / пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат. М.: Издательство «Прогресс», 1968. 608 с.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / пер. с англ. яз. и комм. проф., д. филол. н. Ю. А. Жлутенко. Киев: Издательство при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1979. 264 с.
4. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М. – Берлин: Директ-Медиа, 2014. 162 с.
5. Залевская А. А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь: Тверской государственный университет, 1996. 195 с.
6. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999. 176 с.
7. Appel R., Muysken P. Language Contact and Bilingualism. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005. 216 p.
8. Macnamara J. How Can One Measure the Extent of a Person's Bilingual Proficiency? // Description and Measurement of Bilingualism: An International Seminar (University of Moncton. June 6-14, 1967) / L. Kelly (ed.). Toronto: University of Toronto Press, 1969. P. 80-97.

BILINGUALISM: PROBLEMS OF DEFINITION

Babushkina Viktoriya Vladimirovna

*Saratov Socio-Economic Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics
victorienna@gmail.com*

The article reveals the most topical issue of the language contacts theory: the complexity of defining the notion “bilingualism”. Several common definitions of bilingualism (and the criterion of determining bilingualism) stated in works of the leading Russian and foreign scientists are presented. A comparative analysis of these definitions and a brief overview of the key notions are carried out. The most appropriate definition of bilingualism is specified, and research prospects are outlined.

Key words and phrases: bilingualism; the first language; the second language; native language; foreign language; primary language system; secondary language system.

УДК 811.111

*Статья посвящена исследованию предикатно-аргументной структуры английских каузативных конструкций *make oneself understood, make oneself heard, make oneself known* и особенностей ее реализации в русском языке. Определяется тип таксономической категории для каждого предиката, а также набор обязательных и факультативных аргументов. Аргумент отражает общие свойства участников ситуации и является частью семантики предиката. Изменение набора аргументов влечет за собой изменение каузативной перспективы предложения.*

Ключевые слова и фразы: каузативная конструкция; предикат; аргумент; каузатор; каузат; таксономическая категория; рефлексив.

Баклагова Юлия Викторовна, к. филол. н., доцент
*Кубанский государственный университет
liliann@mail.ru*

ПРЕДИКАТНО-АРГУМЕНТНАЯ СТРУКТУРА АНГЛИЙСКИХ КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ТИПА «MAKE ONESELF UNDERSTOOD» И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Синтаксический каузатив – это аналитические глаголы с категориальным значением «побуждение к действию или состоянию». В английском языке синтаксический каузатив представлен каузативными конструкциями